

Ду Шанчэн почувствовал, что его оскорбили. Он не думал, что сказал слишком много о Цюй Люси. Он считал само собой разумеющимся, что женщины - это просто аксессуары для мужчин. Поэтому, когда Цюй Люси указала на его нос, а также на трех других людей, он почувствовал, что не может поднять голову перед всеми.

Единственный способ изменить ситуацию - заставить женщину признать свою неправоту.

Ду Шанчэн шагнул вперед и ударил кулаком по лицу.

Лицо красивой девушки он совсем не пощадил. Кажется, что без удара по меандровому лицу этот удар для него бессмыслен.

Однако этот удар не имеет смысла для Цюй Люси.

Вознесение.

Уголок его рта приподнялся: "Слабый беспорядок".

После того, как это предложение было произнесено, казалось, что многие люди почувствовали нож в сердце... Как ситуация с вознесением может быть слабой? Первоклассники только что поступили в школу боевых искусств. Даже если они уже долгое время тренировались, разве это нормально для этого возраста - быть в состоянии подъема?

Даже для учеников четвертого класса состояние подъема является ненормальным?

Конечно, это нормальный прогресс для большинства практикующих. Но для них этот прогресс кажется более медленным. Прежде всего, потенциал самосовершенствования Цюй Люси намного выше, чем у Аньчжэна и Ду Шоу. С накоплением сотен раз практики уверенность Конфуция в себе стала само собой разумеющейся.

В тот момент, когда Ду Шанчэн выстрелил, в него попала и меандрирующая ладонь.

Щелкнуло!

С чрезвычайно резким звуком Ду Шанчэн получил пощечину. Веер пощечин был настолько громким, что все, кто видел эту сцену, не могли не усмехнуться.

"Ты чувствуешь себя оскорбленным?"

Пощечина!

Когда Ду Шанчэн был ошеломлен, второй веер пощечин шлепнулся на лицо Ду Шанчэна: "Когда ты говоришь эти слова, чтобы оскорбить других, ты должен подготовиться к тому, что тебя оскорбят. "

"Я убью тебя!"

В этот момент чувство собственного достоинства Ду Шанчэна было сломлено и растоптано. Он никогда не думал, что однажды он получит пощечину от маленькой девочки. Когда человек получает пощечину на людях, сколько гнева можно себе представить.

Ду Шанчэн еще раз ударил по лицу Цюй Люси, Цюй Люси, казалось, просто сделал шаг в сторону, а его левая рука вообще была бесполезно заведена за спину. Она метнулась в сторону, кулак Ду Шанчэна пронесся менее чем в трех сантиметрах от ее лица. Ветер, принесенный

кулаком, растрепал ее волосы и мягко откинул назад.

Но кулак Ду Шанчэна не мягкий, этот кулак не попал в меандр, а ударил в деревянную сваю недалеко за меандром. У этих кольев толстые бердыши, на них студенты тренируются по будням. Кулак ударил по свае с грохотом, после чего свая разбилась и взорвалась.

Огромная сила удара кулака сломала деревянную сваю, а затем раздробила ее, и полетели щепки.

Раздался треск!

Через мгновение после того, как Ду Шанчэн вогнал кол, меандр снова поднял руку и ударил веером по лицу Ду Шанчэна. Пощечина по лицу была как нож, пронзая самолюбие Ду Шанчэна снова и снова. Это сильный контраст: один выглядит сильным и жестоким, другой - легким ветерком, но жестокость Ду Шанчэна не имеет никакого значения перед мягкостью.

После того, как третий веер пощечин оказался на лице Ду Шанчэна, лицо Ду Шанчэна стало старым и опухшим, а его лицо приобрело очень уродливый цвет свиной печени.

"Я **** твою мать!"

Ду Шанчэн яростно выругался и поднял ноги, чтобы пнуть ниже мечущегося живота. Эта нога очень позорная, если ее пнуть, то последствия можно себе представить.

Меандр легонько щелкнул, и пальцы постучали по ноге Душань Чэна. Кажется, будто со стрекозы капает вода, но нога Ду Шанчэна неудержимо давила вниз. С щелчком на его ногу наступили, показав складку скальпа.

"Ты, шлюха, смеешь бить меня по ноге..."

Ду Шанчэн не мог не сесть на землю. Слова в его устах еще не были выкрикнуты, и он споткнулся о свой рот.

Сила этой ноги все еще не выглядела очень сильной, но в тот момент, когда сила культивации взорвалась, рот Ду Шанчэна был разинут. Я не знаю, сколько зубов выпало. Я вылетел изо рта, и они упали повсюду. Его голова откинулась назад в покалывающем скальпе, а затем сильно ударилась о землю.

"Сыры ..."

Ду Шанчэн крикнул неопределенно, и с трудом мог понять, что он зовет.

Меандринг шел молча, а затем снова наступил на рот Ду Шанчэна: "Кто-то научил меня, что девушки должны защищать себя сами, и они не могут терпеть издевательства других. Если кто-то говорит в первый раз, что тебя унизили, и ты терпишь, то в следующий раз он станет еще хуже. Если кто-то оскорбляет тебя первый раз ручной ногой и ты терпишь это, то в следующий раз он будет более отвратительным. "

"Люди, которые рассказывали мне, также говорили, что если кто-то унижает тебя словами, то ты порвешь ему рот. Если кто-то двинет на тебя руками, то ты перебьешь ему руки и ноги".

При произнесении этих слов проявились уверенность в себе и сила Цюй Люси: "Раньше я была человеком с малой смелостью, а воспитание, полученное с детства, было одним больше, одним

меньше. Особенно для девушки, не бунтуй Если понесешь потери, ты сможешь их перенести. "

"Но это неправильно, именно из-за того, что девушка терпит твоих мужчин, ты чувствуешь себя отвратительно и даже оскорбительно. Ты считаешь это самой нормальной вещью".

Ку Люси снова наступила на него: "Это ненормально. Будь то мужчина или женщина, когда над ними издеваются, единственная правильная реакция - драться."

"Ты остановись!"

Господин Чжан Датун из Ду Шанчэн встал с холодным лицом и крикнул: "Откуда ты взялся, эта девушка такая грубая! На первый взгляд, нет никакого наставника, и я не буду ее останавливать!"

"Останавливать?"

Цю Люси оглянулась на Чжан Датуну: "Господин, когда ваш ученик оскорблял меня, вы когда-нибудь позволяли ему замолчать?"

Чжан Датун сказал: "Что с тобой, разве ты не хочешь сказать это? Разве это может быть то же самое, что избить кого-то? Если ты посмеешь быть таким грубым, я поступлю с тобой по правилам больницы".

Ань Чжэн подошел к Чжан Датуну, посмотрел в глаза Чжан Датуну и спросил: "Итак, господин только что услышал, что ваши ученики использовали для ругательств?"

Чжан Датун сказал: "Если вы используете бранные слова для проклятия людей, то что вы называете проклятыми людьми?"

Ань Чжэн пожал плечами: "Если бы бьющий не убедил противника, его бы все равно называли бьющим? Если нет никого, кто признает поражение, значит, это все еще состязание? Ваш ученик, похоже, пока не признает поражения, господин считает, что ваш ученик проиграл? "

Чжан Датун посмотрел на Ань Чжэна: "Кто ты такой? Какое у тебя здесь дело?!"

Ань Чжэн ответил: "Эта ученица - первоклассная ученица в боевых искусствах Ань Аньчжэнь. Она - моя семья, поэтому у нее есть мое дело".

"Аньчжэнь..."

внезапно отреагировал Чжан Датун. Он не был в Фангучэне почти полгода, но как только вернулся, услышал слишком много слухов о споре. И только вчера этот, казалось бы, не приметный подросток послал к черту Лишу Шаншу Чжэн Эрпина.

Чжан Датун на мгновение замер, его тон слегка расслабился: "Неважно, кто ты, ты должен быть разумным. Правилами школы запрещено ранить людей во время соревнований. Твои друзья ранили людей. Как учитель, я должен вовремя остановить это".

Ань Чжэн сказал с улыбкой: "Некоторые слова невыносимы".

Датун Чжан сказал: "Это просто слова, нет ничего такого, что нельзя было бы терпеть".

Ань Чжэн посмотрел в глаза Чжан Датуну и серьезно сказал: "Трахни свою мать".

Лицо Чжан Датун внезапно побелело, а гнев в его глазах мгновенно вырвался наружу: "Так неуважительно по отношению к господину, мне все равно, кто ты. Сегодня я буду учить и поучать тебя от имени твоего мужа!".

Его рука поднялась, но запястье было поймано. Чжан Датун обернулся и увидел не удивленное лицо Чан Хуана.

Чан Хуань оттащил Чжан Датун на несколько шагов назад: "Конечно, для господина нет проблем учить студентов, но это зависит от того, кто господин и кто студенты. Я не учил твоих учеников, поэтому я не могу заставить тебя учить моих учеников. "

Чжан Датун открыл рот и насильно проглотил свой гнев. Но глядя на глаза Ань Чжэна, такая ярость напоминала ненависть, которая не уживается вместе.

Сцена затянулась на целую минуту, после чего Чжан Датун крикнул Ду Шанчэну: "Какие постыдные вещи, не откатывайся ко мне!".

Ду Шанчэну просто разбили рот и половину лица без каких-либо внутренних повреждений. Если Ку Люси захочет, то отменить его культивационное поведение не составит труда. С силой медитации и культивации, в сочетании с талантами и проницательностью в медицине, отмена таких людей, как Ду Шанчэн, не более чем демонстрация усилий.

Ду Шанчэн встал, с ненавистью глядя на меандр, а затем отвернулся.

"Подожди."

Чан Хуан поднялся на ноги, снова сев на место: "Это еще не конец, зачем уходить?"

Лицо Ду Шанчэна было разбито, и в это время оно было еще более уродливым. И лицо Чжан Датун такое же, жирное, как у зверя, но напасть на него не так-то просто.

Чан Хуань серьезно сказал: "Быть человеком - это правила, а поступать - всегда. Ты не признал поражение, поэтому этот раунд соревнований не закончится".

Ду Шанчэн замер на некоторое время, и наконец выдал несколько слов изо рта, закрывая лицо: "Я проиграл!"

Он развернулся и ушел, но перед тем, как сделать второй шаг, его окликнул Чан Хуан: "Подожди секунду... Этот раунд соревнования, это еще не конец, если ты признаешь поражение в одиночку. Потому что мой ученик бросает вызов. Есть четыре человека. Трое из них не уступили, так что игра продолжится. Либо вы вчетвером победите Цю Лю, либо Цю Лю победит всех вас. Вот оно. "

На лицо Чжан Датун становилось все труднее смотреть: "Вице-президент!"

Чан Хуан спросил: "Есть какие-то проблемы?"

Чжан Датун открыл рот и попытался разозлиться, но не осмелился. Репутация Чан Хуана хорошо известна преподавателям этих школ боевых искусств. Если обидеть Чан Хуана, то лучше обидеть старшую медсестру. Декан тоже может заботиться о правилах поведения, но Чан Хуань не заботится ни о чем. Поэтому в суде боевых искусств люди тайно называют Чан Хуана сумасшедшим.

Цзыгун повернулся и с облегчением вздохнул: "Итак, четыре брата, пожалуйста, просветите меня".

Оставшиеся три человека посмотрели друг на друга, они действительно не знали, что делать. ударить? Четыре человека сражаются с одним, или сражаются с первоклассной девушкой. Если вы победите, у вас вообще не будет лица. Если четыре человека побьют одного и снова проиграют, вы останетесь в Уюане еще больше.

Четыре человека стоят там. Смотрят на меня. Я смотрю на тебя. Никто не знает, что делать. Несколько человек жалеют, что продешевили. Если бы не дилемма, возникшая только что, очевидно, что у моего мужа нет выбора... либо четыре человека решаются признать поражение, либо четыре человека решаются продолжить испытание.

Вокруг все больше и больше людей наблюдают за происходящим, идет бурное обсуждение.

Те, кто обвинял их, начали пронзительно кричать, и гнев четырех человек тоже разгорелся, они подошли к месту происшествия и окружили меандра.

"Поскольку ты сам выбираешь, не обвиняй нас нескольких".

"Я порву и твой рот!"

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2060488>